

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 263–270

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 263–270

<https://soziopolit.sgu.ru>

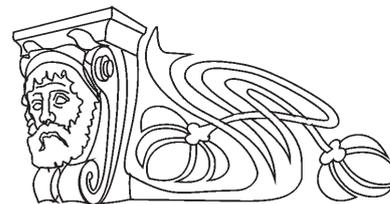
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-263-270>, EDN: NASGQE

Научная статья

УДК 316.4

Социодинамика мира сельских сообществ российской деревни

П. П. Великий, С. Т. Дакирова ✉

Институт аграрных проблем – обособленное структурное подразделение Федерального исследовательского центра «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

Великий Петр Панфилович, доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Дакирова Светлана Тлековна, научный сотрудник, dakirova-ne@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3716-3754>

Аннотация. В статье на базе многолетних социологических исследований осуществлен анализ социодинамики состояния ряда характеристик мира сельских сообществ: сознания, поведения, ценностей и объективных предпосылок изменений. Мир сельских сообществ включает богатую палитру осмысления и деятельности в общественной и личной жизни, основанной на собственном историческом опыте. Социодинамика социокультурных процессов раскрыта в контексте влияния экономико-хозяйственных практик, соединяющих заимствованные новации и традиции крестьянской культуры. Организация аграрного производства, на первом этапе опирающаяся на западные образцы, оказалась во многом несостоятельной, поскольку субъекты хозяйствования подходили к ней с позиции собственной традиционно крестьянской и постсоветской культуры. Доверие собственной культуре останется у сельских жителей доменом и в будущем. Мир сельского социума России пронизан смыслами взаимодействия и сплоченности, логично связанными с этосом жизни «на миру», которые генетически присущи крестьянству и сохранились в пореформенное время на базе социохозяйственной самостоятельности наиболее творческой части жителей, и пока слабо проявляющимися в формализованном социохозяйственном пространстве АПК. **Ключевые слова:** сельское сообщество, деревня, социальные группы, фермеры, наемные работники, интеллигенция, аграрная реформа, хозяйственные уклады, социальная сфера

Для цитирования: Великий П. П., Дакирова С. Т. Социодинамика мира сельских сообществ российской деревни // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 3. С. 263–270. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-263-270>, EDN: NASGQE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

World sociodynamics of rural communities in the Russian village

P. P. Veliky, S. T. Dakirova ✉

Agrarian Problems – Subdivision of the Federal State Budgetary Research Institution Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Petr P. Veliky, velik69@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5104-2153>

Svetlana T. Dakirova, dakirova-ne@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3716-3754>

Abstract. Based on many years of sociological research, the article analyzes the sociodynamics of the state of a number of characteristics of rural communities world: consciousness, behavior, values, and objective prerequisites for changes. The world of rural communities consists of reflection and action in public and private life, based on the historical experience. The sociodynamics of socio-cultural processes is revealed in the context of the influence of economic practices that combine borrowed innovations and traditions of peasant culture. The organization of agricultural production, at the first stage based on Western models, turned out to be largely untenable, since business entities approached it from the standpoint of traditionally peasant and post-Soviet culture. Confidence in one's own culture will remain a domain of rural residents in the future. The world of rural society in Russia is permeated with the meanings of interaction and cohesion, logically connected with the ethos of life "in the world", which are genetically inherent in the peasantry, and survived in the post-reform period on the basis of the socio-economic activity of the most creative part of the inhabitants, and so far poorly manifested in the formalized socio-economic space of the agro-industrial complex. **Keywords:** rural community, village, social groups, farmers, employees, intellectuals, agrarian reform, economic structures, social sphere

For citation: Veliky P. P., Dakirova S. T. World sociodynamics of rural communities in the Russian village. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 3, pp. 263–270 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-3-263-270>, EDN: NASGQE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

При многозначности понятия мира в сельском социуме оно имеет специфический смысл: в XIX – начале XX в. это не только сообщество крестьян, но и сходка их, где принимаются обязательные решения и приговоры. Мир – инстанция моральная, его оценки определяли место, престиж человека. «На миру и смерть красна, жить в миру – в мирских заботах, идти по миру – с сумой» [1, с. 490]. Мир как сообщество отрицательно относился к индивидам и семьям, которые проявляли инициативу по выходу из-под его влияния, что особенно ярко проявилось в ходе столыпинской аграрной реформы. Однако в ходе кардинальных изменений экономических, политических и хозяйственных отношений во всем обществе внутренние «мирские» связи и отношения менялись: одни деформировались в сторону ослабления предписывающих действий, другие локализовались в духовно-нравственной области.

Сельский мир изучался уже в середине XIX в. А. А. Фет, А. Н. Энгельгардт, Г. И. Успенский писали о традициях крестьян в хозяйствовании на своих земельных наделах. А. М. Большаков анализировал жизнедеятельность сельских жителей в первые годы Советской власти. Е. Я. Дорош и Г. С. Лисичкин описали реалии поведения сельчан колхозной и совхозной форм.

Развитие идей о создании фермерства на переломном этапе перехода от социализма к капитализму связано с именами В. В. Казарезова и В. Ф. Башмачникова. Большое внимание социологи придавали адаптации жителей села к ситуациям распределения земли и других ресурсов хозяйствования (А. М. Никулин, З. И. Калугина, О. П. Фадеева, А. А. Хагуров и др.).

Особую значимость для понимания роли традиционной крестьянской культуры в модернизации аграрного сектора имеют публикации ученых, изучавших сельские проблемы изнутри, в режиме включенного наблюдения. Этим занимались члены исследовательского коллектива Т. Шанина. Среди них В. Г. Виноградский, И. Е. Штейнберг, О. П. Фадеева, прожившие помногу месяцев в селах. В наши дни эту работу выполняет кандидат философских наук Т. А. Жукова из Кубанского аграрного университета, которая наряду с работой преподавателя в течение уже семи лет не только участвует в повседневных заботах фермера, но и написала книгу «Земля и люди. Дневник фермера» (2020).

Опираясь на работы отмеченных выше авторов, можно представить, насколько сложной является жизнедеятельность сельских

жителей, небольшая часть которых находят и осваивают разные модели самозанятости или готовы это сделать. Однако более значительная часть трудоспособных сельских жителей предпочитают аграрные уклады, отдаленно схожие с колхозом советского времени (сельскохозяйственные производственные кооперативы, акционерные общества, товарищества), в которых вознаграждение слабо варьируется от трудовых достижений. Однако данная категория сельских жителей ничего не предпринимает, чтобы войти в другой способ получения средств для более обеспеченной жизни. На наш взгляд, это тоже традиция, сформированная этосом человеческих отношений в колхозных реалиях. Такой традиционализм отвечает оценкам поведения в веберовском понимании – стремление не зарабатывать больше нормы, требующейся для поддержания привычного образа жизни.

Нередко в оценках постсоветских изменений в Российской Федерации преувеличивается победа над традиционализмом. Это верно для города, жители которого действительно стали больше ориентироваться на индивидуальный выбор и личную ответственность (и то в тех пределах, которую задает локальная среда). В селе ситуация с вытеснением традиционализма такого рода более сложная. Здесь традиционализм для многих оказался спасительным средством выживания в «эпоху перемен». Крестьянство, опривычевшее неспешные вклады государства в сельскохозяйственное производство и особенно в их жизнеустойчивость на основе твердых институциональных правил, вдруг обнаружило себя в ситуации стоящим перед эскалатором, движущимся в разных направлениях и с разной скоростью. Решение, на какую из них вскакивать, моментально принять было трудно, поэтому ответ на основные вопросы жизнеустойчивости был «мы как все». Именно поэтому в начале аграрной реформы стали возникать хозяйственные структуры, чем-то напоминавшие колхоз, – товарищества, СПК и колхозы, как-то приспособившиеся к рыночному порядку отношений.

Идеальными смыслами для мира сообществ деревни, которые не теряют высокого социального значения и сегодня, являются солидарность, сплоченность, ответственность за положение слабых односельчан, согласованность принципов и способов достижения целей. Осмысливая процессы обновления жизни сельского мира, нельзя не учитывать меру вмешательства ресурсов глобальных игроков

и местного управления, нередко предлагавших превращенные формы социальных отношений. В новейшей истории переформатирование колхозной организации в совхозную, несмотря на превращение крестьян в рабочих, не улучшило их социальные качества, они стали безответственно относиться к трудовым обязанностям, не берегли технику. Одна из причин – они прекратили связывать свои трудовые достижения с конечными результатами предприятия, что в колхозе было важным стимулом трудовой активности.

На начальном этапе вхождения страны в капитализм в российской деревне внедрялась новая инновационная иллюзия – освобождение ее от внешнего управления приведет к тому, что рынок расставит все отношения по надлежащим местам. Тридцатилетие пореформенного существования деревни показывает, что в нем до сих пор не только не исчезли многие несообразности, но и возникли новые. К отсутствию гарантированной возможности обеспечивать благополучное существование индивиду, трудящемуся в составе организаций новых укладов, добавились моменты эксклюзии жителей мелких поселений.

Реформирование аграрного сектора, проведенного в начале 1990 г., сводилось к устранению колхозно-совхозной структуры, созданию институциональной базы и организационным действиям государства для функционирования многообразия новых субъектов хозяйствования. Стандарты их структур списывались с западных образцов. Однако произошли корректировки, связанные с акторами-инноваторами и с земельной собственностью. Младореформаторам, сориентированным на фермерский уклад, казалось логичным в этих целях все земельные угодья колхозов раздать «постколхозным» семьям. Кроме того, учитывалась и идея социальной справедливости: сельское население, не одно поколение которого положило свою жизнь на обеспечение страны продовольствием, в новых условиях закономерно наследует право владеть своей долей земли. Но в силу разных причин земельные паи получили далеко не все семьи, из них 41,6% сдали их в аренду, 10,0% – продали, более 20,0% никак землей не распорядились [2, с. 105]. Те, кто пытались довести статус выделенных участков земли до реального их использования (оформить право собственности, привязку к местности), не получили должной поддержки местной власти. Поэтому юридически эта земельная собственность получила статус зе-

мельных паев, которые сельская семья могла сдать в аренду новым хозяйствующим субъектам корпоративно-долевого и фермерского уклада или продать их.

Многие постколхозники, опривычившие практики отношения к земле как ничьей собственности, легко освобождались от паев, продавая их за символическую цену. К настоящему времени до 40% [2, с. 109] сельских семей еще владеют паями и имеют небольшой доход, который складывается из платы арендаторов за их использование. Однако обмен ценностями оказался неэквивалентным: арендаторы произвольно назначали цену арендных паев. Руководители организаций корпоративно-долевого уклада, защищая нерушимость земельных наделов, состоящих из арендованных паев, стали препятствовать арендодателям получать из 30–40 га их земли хотя бы один гектар для полевого участка.

Актуальным для понимания динамики мира сельского социума является вопрос взаимодействия одной цивилизацией элементов других цивилизаций, того, как он их адаптирует, трансформирует и ассимилирует. Исследователи цивилизаций, рассматривая проблему взаимодействия новаций через призму культуры, полагали, что в процессе модернизации местная культура не может заменяться западной культурой. Согласно теории, это будет реально для вспомогательных элементов инструментальных культур, в то время как основа социальных институтов остается неизменной. А. Тойнби считал, что модернизация усиливает местные культуры и сокращает относительное влияние Запада, поскольку мир становится более современным и менее западным [3, с. 176]. Россия с Петровских времен была сориентирована на освоение материальных и духовных ценностей Запада. Это продолжается до последнего времени, именно вестернизация наиболее активно проникает в российское социальное пространство, включая сельские территории.

Мы считаем, что Россия, обладая признаками евразийской цивилизации к моменту перехода на модели рыночного общества, сохранила свои незападные особенности, что влияет на создание нового порядка экономических и социальных отношений.

В Советской России (СССР) на этапе ранних изменений 1920–1940 гг. XX в., когда модернизация активно поддерживалась, это способствовало возрождению местной культуры, усиливая экономический, военный и политический потенциал общества.

В пореформенный период в этом процессе сложилось немало явлений, отрицательно влияющих на социокультурное обустройство и аграрную экономику. Среди них навязывание западных стандартов вступления в ВТО, непомерные объемы готовых технологий выращивания зерновых культур и вытеснение производства собственных семян. Коснулись села и проблемы перехода высшего образования в стране на структуры бакалавриата: выпускники аграрных вузов оказались не готовы выполнять профессиональные роли.

Эти акции Запада, ранее воспринимаемые сельскими сообществами по-ученически (в контексте непреложного значения), в реальности имели двойное дно, как хорошо замаскированное разрушение аграрного сектора России. «Превосходство» его в экзистенциальном и гуманистическом смыслах подтверждает мысль А. Тойнби, высказанную еще в 1975 г., что превосходство Запада обречено на исчезновение [3, с. 204].

Сельский мир при освоении западных элементов организации жизнеустройства находится на пересечении противоречивых социально-экономических пореформенных реалий. Введение фермерства как господствующего уклада пошло по сценариям самоорганизации. Инициативные и более материально состоятельные люди создавали свой «клин» земли, скупая земельные паи или арендуя их у односельчан, а те, кто был ближе к чиновникам местной власти, получали в собственность или на правах аренды бесхозные участки. В такой же ситуации оказались и сельскохозяйственные организации корпоративно-долевого уклада (ООО), и эта ситуация сохраняется уже около 30 лет пореформенного времени. Таким образом, организация аграрного сектора, в основе которой лежали западные образцы, оказалась не идентичной им. На наш взгляд, этому поспособствовала общенациональная нестыковка между процессами модернизации и вестернизации, столкнувшимися с традиционной культурой, наполненной стереотипами хозяйствования, его управления и нормами народной культуры позднесоветского этапа. Фермерство как институт неожиданно свалилось на голову инициативным сельским жителям России, со всеми его неувязками и противоречиями, неизбежными в любом нововведении, между тем как на Западе опыт данного уклада идет из большой глубины прошлого времени.

Местная культура, или совокупность смыслов о должном, необходимом и достаточ-

ном, столкнулась как с «нормальными» изменениями с точки зрения рыночной организации экономики и повседневности, так и с тем, что породил хаос преднамеренных и непреднамеренных действий коллективных и индивидуальных акторов.

Исследования социологов Института аграрных проблем РАН в Саратовской области первых лет прохождения аграрной реформы выявляли множество парадоксов встраивания сельских жителей в новую ситуацию. В одной семье вспомнили, что у нее на подворье до последнего времени завалился плуг, который использовал еще прадед, и стали оценивать, сколько нужно завести лошадей, чтобы обрабатывать свою землю. Другая семья полагала, что она сможет возделывать землю, арендуя технику в ООО и отработывая за нее на условиях «необарщины».

В результате изменений в агросфере, заданных аграрной реформой, в состоянии социальной ткани деревни произошли серьезные изменения. К настоящему времени, с одной стороны, улучшились внутри- и межпоселковые дороги, ремонтируются клубы и библиотеки, налажена доставка пенсий и пособий к местам жительства получателей, повсеместно работают продуктовые магазины. С другой стороны, утрачены и подорваны предпосылки для поддержки солидарности членов сообществ – семей и отдельных индивидов. В деревне во временном масштабе всегда присутствовал дуализм «мы» и «они», где первые после распада колхозов оставались в ожидании жизнеустройства, которое, по их представлениям, должно обеспечить государство, вторые, став фермерами, самостоятельно стали решать эту задачу. Со временем острота этого противоречия смягчилась. Хотя фермер давал работу небольшому числу сельскому сообществу, большая часть трудоспособных людей получила места работы в организациях корпоративно-долевого сектора, где все было (и остается) как в колхозе: рядовые акционеры пахут землю, работают на ферме, получают за труд зарплату и другие выплаты. Казалось бы, главная связь восстановлена, что дает простор для солидарности, и она станет проявляться в образе жизни селян с новой силой. Но этого не произошло. Все социальные группы деревни испытали шок от изменения своей опривыченной роли по двум направлениям. Первое из них заключается в низком уровне или полном отсутствии качеств конструктивности, т. е. способности противостоять непредвиденным

угрозам и вызовам, и глубоко сожалении об утраченном мире. «Когда строители разбирали нашу ферму, на которой я отработала 30 лет, я плакала», – сообщала доярка социологу в момент анкетирования.

В советском колхозе «они» отождествлялись с правлением и председателем колхоза, парторгом, председателем сельского совета. «Мы» – это сельское сообщество, которое было связано общностью совместных работ (прополка, сенокос, бригады механизаторов, доярок), деревенскими сходами по разделу участков для заготовки сена для подворья. Противоречия между «мы» и «они» были, но они разрешались, так как каждая сторона нуждалась в другой. Сегодня сторона «мы» не находит в своей среде персоналий «они». В результате аграрной реформы, проведенной по неолиберальным лекалам, в локальном поселении усилились неоправданные автономии.

На эти изменения можно посмотреть и с позиции состояния социальной структуры. В условиях становления новых хозяйственно-экономических укладов возникают и новые субъекты деятельности. На начальном этапе они не отвечают полностью сути структурной единицы, т.е. являются проториальной группой.

Тем не менее, главный признак неравенств воплощен в размере собственности и доходов, престиже и власти. К этим политико-экономическим факторам многие авторы добавляют более тонкие измерения, но зависящие от указанных выше, такие как уровень образования, социально-профессиональные позиции и виды деятельности (Бурдые [4], Вебер [5], Парсонс [6], Сорокин [7], Шкаратан [8] и др.).

При этом одни группы формируются быстрее, демонстрируя более адекватные характеристики определенному типу стратификации, другие возникают медленнее, остаются протогруппой. Так, реальной группой уже стали фермеры – крупные и средние (по масштабам аграрного производства). Эта группа фермеров имеет хорошую поддержку со стороны государства и накопила собственные ресурсы, чтобы справляться с рисками конкуренции и природопользования. Акционеры организаций, собственники решающего пакета акций в современных корпоративно-долевых укладах (ООО, ТОО, АО) также обладают формальным и реальным статусом как высшей группы в сельской стратификации. Рядовые акционеры гораздо ближе стоят к наемным работникам, хотя в оплате труда у них есть некоторые пре-

имущества. В ситуации относительной неопределенности своего положения находится мелкий фермер, действующий лишь в составе своей семьи, на небольшом участке земли. Чаще всего это связано с отсутствием кандидатов в своей семье на продолжение фермерского дела. В последние годы возросло число фактов, когда земельные угодья, принадлежащие им, постепенно переходят крупным и средним фермерам.

Большая часть трудоспособных жителей деревни находится в социальном положении наемных работников в фермерском или акционерном хозяйстве. Оценки представителями этих групп позитивных и негативных сторон их как членов персонала в большой степени зависят от жизненного оптимизма. Сегодня техническое оснащение труда аграриев, модели регулирования, контроля мало чем различаются между собой в разных регионах. Однако оценки перспективных ценностей дифференцированы: так, возможности профессионального роста позитивно оценили 11,8% из группы успешно совмещающих работу в ООО и ведение товарного ЛПХ и только 2,9% – тех, кто в основном занят только в общественном производстве, сократив ресурсы подворья.

Можно заметить, что и в целом ценность профессионального роста среди работников сельского хозяйства мала и не зависит от того, в организации какого уклада они заняты. Зато если они нашли занятость вне сельского хозяйства, ценность карьеры возрастает в десятки раз. Среди акторов села наиболее ценят профессиональные компетенции глав домохозяйств, частично связанные с общественно организованным трудом в акционерных обществах и производственных кооперативах или полностью сосредоточенных на ЛПХ. Опрошено 300 респондентов, в том числе 190 – из 22 районов Саратовской области, 110 – из 8 районов Республики Татарстан в 2018 г. Эта группа, составляющая 10–12% от числа домохозяйств средней деревни (middle village), сегодня относится к верхней части социальной структуры и демонстрирует высокую планку социальной активности (таблица) [2, с. 248].

У людей, включенных в большое количество связей, выше оценки тех факторов успешности, которые действительно играют существенную экономическую роль (4, 5, 6, 8, 9 признаки). Они сориентированы еще на взаимодействие и с лицами с точки зрения полезности для реализации решающего дела жизни. «Нужные» люди – это те, кто обладает важ-

Оценка факторов успешности по 10-балльной шкале

Фактор успешности	Успешные	Остальные
Погода, климат	4,31	3,66
Помощники	3,89	3,25
Автомобиль	3,82	3,26
Технические средства	3,47	2,72
Доступность мест сбыта	3,18	2,46
Общение с нужными людьми	2,83	1,92
Агротехнологии	2,74	2,30
Кредиты	1,90	1,37
Взаимодействие с потребительскими кооперативами	1,82	1,34

ными компетенциями (профессиональными, должностными, общей культурой), и с ними, естественно, говорят о всем круге озабоченности своими проблемами. Сравнение двух групп – успешно хозяйствующие семьи на подворье и ориентированные в основном на наемный труд – показывает, что почти половина в первой группе таких лиц имеют от одного до семи человек. Во второй группе их меньше на 9 п.п. Первая группа доминирует и в общении с формальными организациями: 44,3% откладывали денежные средства в банки (остальные 37,3%), более активно взаимодействовали с органами муниципальной власти и организациями потребкооперации.

Хотя в последние пять–шесть лет труд наемных работников стал оплачиваться более высоко, чем в первые десятилетия аграрной реформы, но такие составляющие их жизнедеятельности, как социально-культурное и техническое творчество, участие в разработке стратегий и т. п., не практикуются. Поэтому местом творчества, как и существенным каналом обеспечения материального благополучия, стало подворье, личное подсобное хозяйство.

Наемные работники, в каком бы укладе не были трудоустроены, подпадают под воздействие неопределенности своего пребывания на той должности, на которую они приняты и могут быть переведены на более низкую оплату. Так называемая флексибельность, или неустойчивость, все больше распространяемая в глобальном мире, пришла и в сельский мир России. В современных условиях профессиональные качества могут повлиять на более высокую оплату труда и престиж, хотя практически они не влияют на перемещение по карьерной лестнице.

Наиболее устойчивым положением на рынке аграрного труда на селе обладает старшая возрастная группа. Работодатели доверяют их профессиональным качествам и высокому нравственному уровню. Положение их на предприятии, опыт семейного хозяйствования на подворье ставят их в общественном мнении на высокую ступень благополучия и авторитета.

Хотя наемные работники и специализированы по принадлежности к отраслям, но по основным стратификационным признакам они имеют схожие характеристики. В деревне разнообразие данной группы ограничено сферой приложения труда: отраслевая специализация в любом сельском поселении не превышает 13–15 наименований. Кроме известных видов физического труда сюда входит обслуживание социокультурной инфраструктуры (клуб, библиотека, почта, социальная работа, сельская медицина (ФАП)).

По мере функционирования АПК по стандартам рыночной экономики также появилась сельская элита на селе. К ней относятся крупные и средние фермеры, руководители, собственники решающих пакетов акций ООО и рабочая аристократия. Последняя группа – это лучшие механизаторы, которым доверено обслуживать зарубежную, весьма дорогостоящую технику. Для беспрепятственного использования ее такие механизаторы введены менеджментом корпоративно-долевых организаций и фермерских хозяйств в особый статус «неприкосновенных» и несменяемых. Труд их оплачивается выше обычных механизаторов, и они высоко ценятся сообществом и менеджментом сельскохозяйственных организаций.

К сельской элите следовало бы отнести учителей, воспитателей детей и подвижников в

развитии культуры всех жителей села. По крайней мере, так оценивалась их социокультурная роль в духовной жизни села в условиях советских реалий [9]. Однако в силу разных причин учитель в последние десятилетия, по оценкам односельчан, утратил эту позицию: по критерию «престиж» и «хорошо живет» (т. е. благополучно) он поставлен на четвертое место (после крупного и среднего фермера, хозяина местного магазина). Если сравнить образ жизни успешного фермера, собственника 2 тыс. га пахотной земли и завуча сельской школы с позиции их объективной и субъективной возможности занимать ведущее духовно-практическое место в жизни села, то мы увидим, насколько проигрывает последний. Оба выходят за пределы узкопрофессиональных обязанностей: фермер, помимо решения личных проблем наемных работников своего хозяйства, является председателем родительского комитета, безвозмездно помогает школе средствами. Учитель, находясь на должности завуча, помогает односельчанам правильно ориентироваться в воспитании детей. Однако статусные характеристики обоих акторов сильно отличаются, хотя они близки по возрасту (36 и 30 лет) и наличию двух детей в каждой семье.

Фермер сориентирован на обеспечение высоких результатов своей хозяйственной единицы, что приносит ему чувство самоуважения и общественного признания. Его домовладение не включает сугубо крестьянских элементов: кроме благоустроенного поместья и нескольких деревьев и кустарников, нет ни скота, ни птицы. Напротив, учительница, выйдя 10 лет назад замуж за парня, семья которого выживала за счет ЛПХ, сама погрузилась в многочисленные крестьянские заботы. Из 24 видов неизбежных процедур по поддержанию подворья по 10 приходится поровну на нее и мужа, а 8 (от приготовления пищи, уборки дома, стирки до взаимодействия с банком) – исключительно ее забота. При этом 70% поступлений в семейный бюджет обеспечивает она, 30% – муж.

В таком образе жизни невольно происходит смещение забот на обустройство подворья и быта. Если фермер приобрел в год 11 видов предметов культурного назначения и приема информации, то учительница – только 5. Фермер с семьей в год опроса посетил Москву, Санкт-Петербург, Сочи, побывав в 10 учреждениях искусства, в то время учительница свой отпуск провела дома.

Подводя итоги, отметим, что в условиях глобализации актуальные качества мира села,

где правят бал конкуренция и технологический детерминизм, феномены сплоченности и солидарности ничего не значат для игроков крупного бизнеса, корпораций. Однако с позиции будущего возникновение все новых проблем потребует изменения ценностей как индивидуальной, так и общественной хозяйственно-экономической деятельности, что обуславливает сопровождение глобализации новыми прогрессивными социальными изменениями. Конструктивное отношение к вызовам глобализации обеспечивает культура, взятая в широком смысле.

Ориентиры обмена на принципах «рыночности», в которых доминирует оплата услуг, и безвозмездной благотворительной деятельности, направленной на общие цели сельских сообществ, значительно изменились. Они почти не реализуются в пространстве трудовой занятости в формальных организациях, но по-прежнему остаются в реальной повседневности сельского сообщества. Она почти полностью ушла из пространства трудовой занятости, но по-прежнему реализуется на принципах народной нравственности: доброжелательства, сочувствия к бедным, стремлении жить по совести. Фактически полностью отсутствует оплата или отдар за такую помощь нуждающимся, как наблюдать за детьми в случае вынужденного временного отъезда родителей, подарить детям из бедной семьи школьные принадлежности, а пенсионерам – предметы одежды, провести срочный ремонт оборудования тепло- и водоснабжения, забрать коров из стада и пригнать их к дому владельца, отвезти в больницу односельчанина на своем автомобиле и т. д.

Таким образом, мир сельского социума России пронизан смыслами взаимодействия и сплоченности, логично связанными с этосом жизни «на миру», которые генетически присущи крестьянству и сохранились в пореформенное время на базе социохозяйственной самодеятельности наиболее творческой части жителей, и пока слабо проявляющимися в формализованном социохозяйственном пространстве АПК.

Список литературы

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : более 50 000 толкований : [однотомная версия]. СПб. : Ленинградское изд-во, 2009. 896 с.
2. Великий П. П. Повседневность российского села в начале XXI века / под ред. Ю. С. Воронова. Саратов : Саратовский источник 2020. 308 с.

3. Тойнби А., Хантингтон С. Вызовы и ответы. Как гибнут цивилизации / пер. с англ. П. Черемушкина [и др.]. М. : Алгоритм, 2016. 286 с. (Философский поединок).
4. Бурдьё П. Социальное пространство и генезис классов // Бурдьё П. Социология политики. М. : Socio-Logos, 1993. С. 53–97.
5. Вебер М. Хозяйство и общество / пер. с нем. под науч. ред. Л. Г. Ионина. М. : Изд-во ГУ ВШЭ, 2010. 560 с.
6. Парсонс Т. О структуре социального действия. М. : Академический Проект, 2000. 880 с.
7. Сорокин П. А. Социальная стратификация и мобильность // Сорокин П. А. Человек. Цивилизация, Общество. М. : Политиздат, 1992. С. 295–424.
8. Шкаратан О. И. Социология неравенства. Теория и реальность. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 528 с.
9. Великий П. П. Духовная жизнь советского села. М. : Мысль, 1982. 208 с. (Социология и жизнь).

Поступила в редакцию 14.03.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 16.05.2023
The article was submitted 14.03.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 16.05.2023